

18+

ВИКТОРИЯ
ЛИК

Нескучные
истории
о любви

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Виктория Лик
Нескучные истории
о любви. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72663289

ISBN 9785006826557

Аннотация

«Нескучные истории о любви» – это сборник ярких, трогательных и иногда неожиданных рассказов, посвящённых одному из самых универсальных и в то же время загадочных чувств – любви. Автор мастерски передаёт разнообразие её проявлений: от нежных и трепетных моментов до страстных и драматичных ситуаций, заставляя читателя задуматься о собственных чувствах и переживаниях. Книга подойдет любителям коротких, насыщенных эмоциями историй, а также тем, кто ищет вдохновения и новых взглядов на любовь.

Содержание

Попытка смерти...	5
Синий заяц	20
Ущербная Луна...	27
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Нескучные истории о любви Сборник рассказов

Виктория Лик

© Виктория Лик, 2025

ISBN 978-5-0068-2655-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Попытка смерти...

...Вода... Такая темная и сумрачная. Бежит себе по своим водным делам. И нет ей дел до меня. Такая красивая, темная весенняя вода. С редкими льдинами, которые почему-то опоздали исчезнуть с приходом весны. Они нелепо спешат куда-то вдаль, совсем не задумываясь о своей дальнейшей судьбе. А что их ждет? Если они останутся здесь, в этом времени и в этом пространстве – они растают. А там, впереди, в будущем, возможно, их ждет нечто особенное. Может быть там, впереди, не так тепло, и они смогут прожить еще день-два. А если повезет – и целую неделю. Вы только вдумайтесь в эти слова: целую неделю. Семь дней. Семь дней жизни. Что их ждет? Придурковатые рыбаки, которым наплевать на свою жизнь, их интересует только улов, им не важно, что будет с их близкими. Каждый год, весной, их снимают толпами со льдин. И каждый год они упрямо ползут в своих ватниках, с упорством мухи, которая, проснувшись весной, мечется между рамами окна, не понимая: а где же он, обещанный мир? Что ими движет? Жажда улова или скукота обыденности? Но сейчас мне все равно: что ими движет. Я смотрю на льдины, последние льдины этой весны, последние льдины моей жизни. Они такие разные, и белые, и серые, и чистые, и грязные. Я стою за перилами моста и наблюдаю за их последними минутами жизни. И в этот момент мне приходит

совсем не нужная в данной ситуации мысль: а кто наблюдает за моими последними минутами жизни? Неужели, никому в этом мире совсем не интересно, что я думаю в эти минуты? По мнению психологов всех мастей, я – потенциальный клиент психиатрической лечебницы. И психотерапевты были бы рады препарировать мою душу, дабы понять, «и чего это со мной происходит-то». Но я не хочу быть подопытной лягушкой, даже если меня сделают принцессой. Мне гораздо больше нравится стоять за перилами моста и наблюдать за льдинами.

Я довольно долга искала этот мост. Мост достаточно высокий, с глубинным фарватером, с быстрым течением вниз. И для меня было важно, да простит меня Господь, чтобы все это было красиво, чтобы можно было наблюдать закат солнца.

И я не спешу. Я сижу уже час... солнце медленно склоняется к горизонту. Не зря Ростоцкий снимал свой великий фильм в Карелии. Здесь действительно очень тихие зори. Красивые и удивительные.

Ладно, хватит лирики. Последняя сигарета и надо завершить свой путь в этом мире. Я больше не вижу себя, я потеряла себя. И думаю, это самое лучшее решение в моей жизни. Во всяком случае, я думаю, это решение сильного человека.

Сигарета закончилась... Ее прах в виде пепла медленно падает вниз, туда, куда скоро полечу и я. А я все еще думаю,

рассуждаю. Может, стоит рассказать вам, почему я здесь, на краю Вселенной беседую со льдинами, с прахом сигареты, с перилами моста?

Я никогда не думала, что сделать свой последний шаг так сложно. Там впереди – неизвестность. И это пугает более всего. Нет, вода меня не пугает. Я отдаю себе отчет в том, что она холодная. Жгуче холодная. Темная и тяжелая. Если учесть, что я умею плавать только по-собачьи, а высота моста значительна, мучиться я не буду. Скорее всего я умру еще в полете от страха, нет – не смерти, а того, что я делаю. И поэтому я здесь, сижу вот тут и почему-то не спешу.... Наверное, очень трудно сделать это последний шаг... В своей решимости уйти от этой жизни, я совсем не подумала об этом.

Оттягивая момент, я прокручиваю в памяти все то, что привело меня к этому решению.

Ну, во-первых: я одинока. И я очень устала от этого всепоглощающего одиночества. Нет, я, конечно, понимаю эту известную всем мудрость «Ты рождаешься один, и умираешь один». Но жить-то одной каково? Вы себе это представляете? Одной в кино, одной —домой. А дома кроме собаки и кота тебя никто не ждет. Я люблю своего кота и свою собаку. Очень люблю. И порой делюсь с ними всеми своими бедами и горестями. Но порой так не хватает простого человеческого «Я тебя понимаю...» Я часто думаю о том, почему так случилось. Чем я хуже других женщин, и почему мой любимый муж ушел от меня к другой. Нет, она не моложе, не кра-

сивее, не блондинка, и рост всего 155, и не стройна, и больна диабетом. Вот уже 2 года я живу одна и все равно не могу понять: что же такого я сделала своему любимому мужу, что он ушел? Сейчас, конечно, не время рассказывать о своих достоинствах, способностях. Раз ушел – значит не такая, значит —плохая. Значит – не сумела, значит – не любил.

А что есть любовь? Вот в чем вопрос: есть ли любовь или все это выдумки поэтов.

Мы тут недавно поспорили с моей подругой о любви. Она утверждает, что любовь – есть. Что она любила и была любима. Но что произошло с их любовью? Ау, любовь, где ты? Каждый остался со своим. Со своим понятием, кто кому что должен, и почему у них не сложилось. С багажом обид и разочарований. Ну да ладно, это их проблемы. Пусть сами решают.

А что есть моя жизнь? Которую я вот так просто решила обрубить, вот так просто: прыгнул с моста и нет тебя, и нет проблем, и нет ничего...

Вот вы говорите: слабая я, не борюсь. Я понимаю, что не вписываюсь в формат, женщина современного мира не может вот так просто прыгнуть вниз, в будущее без будущего. Пospoрю: я вписываюсь в ваш гламурный формат. Нет, конечно, я не «Дом-2», я не Ксюша, но я сделала все,

что я могла. Я была у психолога, я была у психотерапевта. Хотите, я расскажу вам о своих впечатлениях. Хотите? Хорошо, расскажу...

Самой удивительное было в том, что психотерапевт носил мою фамилию! Или я его фамилию. Но не важно. Он был очень рад такому совпадению. Я – не очень.

Хотите расскажу, о чем мы говорили? Думаю, будет забавно.

Особенно с учетом того, что не каждая гламурная девушка пойдет на консультацию к психологу.

Итак, рассказываю.

– Доктор, мне трудно рассказать, что со мной, но в последнее время меня постоянно мучают тревожные мысли. Я все время думаю о смерти. Я постоянно просматриваю сайты самоубийц и общаюсь с ними. Мы уже обсудили все возможные варианты.

– Ну и как? – доктор спрашивает, – что вы для себя выбрали?

И мне приходится рассказывать ему про все варианты и почему я отмела эти варианты. Честно говоря, я совсем не хочу умирать. Просто мне не хочется жить. И я понимаю разницу между «не хочу ТАК жить» или «Хочу умереть»

И тут этот психолог начинает рассказывать мне о последствиях суицида. Что от таблеток не умирают, о том, как мой труп будет выглядеть в гробу. Я его конечно понимаю. Он

выбрал шоковую терапию. Но он не учел того, что в этом вопросе я разбираюсь не хуже него. Он же не общался с реальными суицидниками, которые пишут в блогах и не для публики, а так, для потомков. Или дабы юнцов предостеречь от глупости. Он, этот мнящий себя мэтром психотерапии, развалившись в «открытой» позе в своем просиженном кресле, начал вещать мне о ценности жизни и о глупости моих поступков.

– Послушайте, – перебила я этого самовлюбленного мэтра, – меня мало волнует ваше мнение. Мне важно то, что происходит со мной. И я плачу вам за то, что вы выслушиваете меня и помогаете мне разобраться с МОИМИ проблемами, а не УЧИТЕ меня, как мне жить.

– Надо же, вы разбираетесь в психологии?

– Да, я разбираюсь. Вы не первый, но может быть последний психолог в моей жизни. Поэтому давайте разберемся с тем, что со мной происходит.

– Простите, а где вы работаете?

– А разве это важно? – я уже начала сердиться

– Кончено. Вы говорите о повышенной тревожности, и очень важно: где и кем вы работаете

– Если это ВАМ поможет, я психолог. Была когда-то психологом, – на всякий случай уточняю. Нет, я не вру, я действительно хотела быть психологом и даже училась. Ну не получилось у меня... Жизнь рассудила иначе.

– Как здорово! – мой терапевт радостно потирает руки. –

Тогда нам легче будет понять друг друга.

Я начинаю тихо беситься:

– Я не хочу понимать Вас, я хочу понять себя!!!

– Но мы же коллеги. Вот у меня...

Что было дальше, рассказывать нет желания. Сорок минут этот лже-психолог, да еще скрывающий свою личину под МОЕЙ фамилией, рассказывал о том, что он тоже хотел умереть, и о том, как он справился с этим. Я молча его выслушала, посочувствовала, попереживала с ним заодно. Сказала «Спасибо» и мы расстались каждый со своим мнением и со своими чувствами от произошедшего. Он удовлетворенный от хорошо выполненной работы, я в бешенстве... Нет, я понимаю, что попала к дилетанту, но с тех пор я больше никогда не обращалась к психологам. Даже к настоящим...

Ну как? Позабавила я вас? Я не права? Вы так думаете? Ну, вы вправе иметь свое мнение. Я спорить не буду. Просто, мое мнение не совпало с мнением психотерапевта. И поэтому я здесь.

...Я и делаю шаг. И лечу. Впервые в жизни я лечу, расправив крылья, дарованные мне Богом. И я осознаю свое могущество, мне подвластна стихия, и впереди меня ждет сказочное путешествие в потусторонние миры, и возможно я стану ангелом, и моя смерть принесет мне освобождение от одиночества, от боли, от всех этих земных проблем...

Вода встречает меня холодом и темнотой. Я врезаюсь в нее со скоростью брошенного камня, с треском взламываю поверхность воды... Мне больно, и вот я уже не могу дышать... Мое тело кричит всеми своими клеточками «Хочу туда, к солнцу, к небу, к людям...» Мое тело рвется обратно, судорожно цепляясь за эти осколки льдин, которые сверху казались такими спокойными и надежными, а сейчас разлетаются от меня, подобно стайке мелких рыбешек, напуганных присутствием чего-то большого и чужеродного их миру.... Тело хочет к теплу, но у меня уже не хватает сил, и я медленно, медленно, медленно погружаюсь... И вдруг как последний лучик солнца из-за грозовых туч: я была не права. Жизнь – удивительная штука, и никогда больше не повторится. Она уникальна. Жить так сладко, и сейчас я больше всего хочу жить, хочу обратно на мост, докурить еще одну сигарету, развернуться и поехать домой. Погружаюсь и вижу сквозь толщу воды там, наверху, уже в прошлой жизни: мост, размытый и уже нереальный... И я делаю глубокий вдох, холодная вода заполняет мое существо, и я всеми фибрами моей несчастной души вдруг понимаю „Как же не хочу туда, на дно...», И я рвусь вверх, к заходящему солнцу, я рвусь туда, я, подобно лягушке, сбиваю воду, в надежде, что она станет маслом, и я выйду на берег. Я вырываюсь на секунду, вдыхаю этот промозглый, холодный, сырой воздух и понимаю, что ничего вкуснее этого я никогда не пробовала, но снова погружаюсь.

...Сознание уже не в силах бороться. Сознание, мое такое любимое сознание, засыпает, смиряется с положением дел и плавно погружается в прошлое. Всплывают обиды на жизнь, обиды на друзей, на коллег. И так хочется, чтобы они плакали на моих похоронах. Где-то краем сознания я понимаю, что это глупо. Но я проигрываю в уме свои похороны, как меня будут опознавать в морге, как будет рыдать мой бывший. И мне вдруг становится так хорошо. Месть, такая сладкая месь. И тут вдруг меня, словно стрела, пронзает мысль: а почему это я должна умереть? А не он? Не они? Почему – я? Как глупо... И я снова рвусь вверх, туда, где проблески света, туда, где жизнь... но сил уже нет. Как глупо... Сознание уже уступает место подсознанию, сознание – оно такое хитрое. В минуты слабости оно всегда уходит в подполье, мол «я тут ни при чем, это все ты...»

Вы когда-нибудь умирали? Нет? Тогда вам сложно понять, что происходило со мной в тот момент. Чувствовать, как умирает тело, холодеют руки, ноги, как останавливается дыхание, как умирает сознание. И только душа, бедная душа все рвется к жизни вопреки твоему желанию, только душа сопротивляется до последнего....

...Сильный рывок, и я вылетаю на поверхность. И на меня вдруг сваливаются все ощущения этого мира: холод, боль, судорги... я чувствую каждой клеточкой моего тела леденящий холод, я вижу льдины, которые чинно и медленно про-

плываю мимо моего лица, не обращая внимания на происходящее. И так как мой разум находится практически в «отключке», душа не осознает, что произошло. Кто-то тащит меня к берегу. Или что-то. Не важно. В этой ситуации важно только то, что я — жива. Но тут сознание резко приходит в себя и напоминает мне, что я вообще-то женщина. И никто не имеет права вмешивать в мою жизнь, и тем более тащить куда-то, особенно когда я не знаю куда. И что в данной ситуации самое важное: я не знаю «кто». Да и не просила я этого «Кого-то» меня спасти. Сама бы выплыла.

Берег приближается. И я с ужасом представляю, как я такая мокрая, страшная выхожу на берег. Хорошо еще нет прессы и телевизионщиков, падких до сенсаций. Хотя, почему бы и нет, а? Представляете: обо мне напишут все газеты. Круто!

Странно да? Только что сознание меня оставило, стыдливо уступив место душе. А тут встрепенулось, перышки почистило и на те: про внешность заботиться. Хочется ругаться, да сил нету. Холодно и зубы стучат так, что слово не сказать.

Не смотрю на того, кто вмешался в мою судьбу. Отвернулась, зубами стучу, костями трясу.

- Дура! Другого места не нашла что-ли? – кричит на меня Обида, злость будят меня окончательно:
- Сам дурак. Я тебя не звала, и не просила. Козел...
- Сама козлиха, из-за тебя простыну и умру. Да еще и опоздал...

– Ну и умирай. Вали отсюда... беги к своей любимой, – чувствую, понесло меня. Нет чтобы «Спасибо» сказать. И почему я всегда такая? Мне люди хорошее делают, а глупости творю? И когда это кончиться? Ведь понимаю: мокрая я не доберусь до города. Меня даже в автобус могут не пустить, да и ходят ли они здесь. Пока курила на мосту – ни одного не видела. Или мне не до автобусов было? А моя машина стоит у вокзала. Боже, как же холодно и противно в мокрой одежде. Сейчас бы выпить чаю горячего, или на крайний случай – виски.

Ведь простыну, и умру от воспаления легких.

– Вот простыну и умру... – вдруг говорю вслух.

– Надо же. Она переживает, что умрет. Никогда бы не подумал. – Он явно очень зол.

– Да, умру.

– Скатертью дорога, знал бы и прыгать за тобой не стал, – говорит Он, выжимая джинсы.

Выглядит он классно: мускулистый, спортивный. Пресс что надо, квадратиками. Разглядываю его без стеснения, чего мне стесняться-то? Еще минут пять назад я и думать не могла о мужчине. Но он так красив. И он кого-то любит, спешит к ней. Скорее всего, она красива, умна. Он варит по утрам и после ночи любви кофе и...

«Стоп» Остапа понесло. Он – чужой. Он – враг. Он – помешал мне в моих планах на жизнь. Точнее: на смерть. Значит: враг!! А я тут слюни распустила: красивый, спортивный,

умный... Не мой Он! Не мой! Все, пора с этим быстро заканчивать

– Отвези меня к вокзалу, – я не церемонюсь с врагами

– Что? Ну ты даешь! Хоть бы «спасибо» сказала

– Ну, спасибо – с натяжкой, улыбаясь оскалом Карнеги, трясаясь в ознобе, говорю.

– Ну, пожалуйста. Ты хоть бы одежду отжала, а то машину мне всю загадишь. Вода в заливе грязная.

Ну, точно, козел. Его не моя судьба волнует, а салон своего авто. А на меня ему наплевать. Стою тут перед ним, мокрая, жалкая такая... А он...

– Ладно, – стаскиваю свитер и джинсы, выжимаю. Как же все это обратно-то одеть? Так холодно.

– У тебя машина далеко? Можно я так дойду?

Он критически осмотрел меня. Словно мокрицу. Хотя, я в это момент так на нее похожа.

– Ладно, давай бегом наверх. Вон туда, – он показал на машину, стоящую на откосе как-то боком. И я побежала.

Уже в машине я спросила, нет ли у него виски или водки. Он ухмыльнулся и посоветовал в следующий раз с собой бутылочку брать. На всякий случай

– Ок. В следующий раз непременно с виски прыгну. Если что не так пойдет, согреюсь.

И тут он расхохотался. Так звонко, открыто во весь голос. Я удивленно посмотрела и помимо своего желания засмеялась. Мы смеялись, хлопали друг друга по коленам, и снова

смеялись... Не знаю сколько это длилось... Но в этот момент мне стало так уютно и тепло, несмотря на мокрые волосы, голое тело в мокром лифчике, и этот запах рыбы, который пропитал и меня и его. Хотя какая рыба может быть в такой холодной воде? Скорее всего, это мое воображение разыгралось: и рыбой запахло.

– Тебе куда? – вот так и заканчивается сказка о любви с первого взгляда.

– Я же сказала: на вокзал. – Мне уже не смешно. Мне снова грустно. Хотя чего я жду: что случайный спаситель вдруг вспыхнет ко мне любовью, и будем мы жить поживать да добра наживать? Боже, какая глупость. Полчаса назад я была практически на том свете, а уже смотрю на случайного мужчину как на потенциального любимого. И все это потому что у него накачанный пресс.

– На вокзал. – Уже твердым голосом говорю и натягиваю на себя мокрый холодный свитер.

Машина стояла там, где я ее оставила. Такая несчастная и сиротливая. И как я могла оставить ее? Мою любимую? Я даже не подумала о том, что с ней будет потом, когда меня не будет. Как я могла? Чувство вины заполнило меня с головой, как та темная вода, с которой я познакомилась полчаса назад. Но от воды меня спас этот мужчина, с которым я расстанусь через минуты и никогда его не увижу. А как быть с чувством вины? Не только по отношению к машине,

но и к своей собаке. Вот я вернусь, а она там одна. Сидит и ждет, когда я вернусь и скажу ей «Привет». А могло ведь и по-другому быть... как же я о ней-то не подумала?

Молча выхожу, хлопаю со всей дури дверью его машины, сама не понимая, откуда столько злости. Сажусь в свою любимую, надежную ласточку. Включаю печку, достаю плед, заворачиваюсь и понимаю, что больше всего на свете хочу спать. У меня в багажнике есть подушка, бутылочка виски. Я, не выключая двигателя, иду в холод ночи, достаю свой НЗ, сажусь, блокирую двери и медленно, очень медленно, словно меня снимают скрытой камерой, отвинчиваю крышечку. Потом достаю из бардачка свой любимый стаканчик, который купила в Америке, наливаю немножко, так на один глоток виски. И медленно, медленно выпиваю. Нет, не в том смысле, что проглатываю. Сначала я погружаю кончик языка и ощущаю тепло и горечь. Потом опрокидываю весь стаканчик в рот. Перекаत्याю шарик жидкости на корень языка, ощущаю сладость, потом снова на кончик языка и только после этого проглатываю, ощущая, как тепло движется по пищеводу, заполняет желудок, сознание, мысли, душу. Мне хорошо, мне тепло. Краем сознания вижу, что рядом стоит машина спасителя, но мне уже все равно, мне тепло и уютно, я заворачиваюсь в плед, и сознание наконец-то отключается...

...Проснулась я от холода. Машина заглохла. Судя по всему, бензин закончился.

Уже светает. Рядом стоит его машина... Он спит. Он всю ночь был рядом?

Я пытаюсь завести машину, но она глуха к моим желаниям. Даже не рычит в натуге. Черт, забыла, что бензина нет. Как бы мне сбежать, пока он не увидел меня? Сегодня мне стыдно за то, что было вчера. За свою слабость, за свою глупость. Мама всегда мне говорила «Утро вечера мудренее» Но я упрямая. Мне так не хочется ждать утра, и часто я совершаю глупости именно с вечера.

Я тихонечко, боясь нарушить таинственность этой минуты, подкрадываюсь к его машине. Долго внимательно смотрю на него, стараясь запомнить каждую веснушку, каждую морщинку и щетинку, разворачиваюсь и ухожу. На вокзал. На первую электричку. Я не думаю, что будет завтра, я не думаю, что вообще будет с молей жизнью. Сейчас я хочу одного: покинуть этот старый город, где я так неудачно уходила от жизни...

Но я уверена в одном: мы еще встретимся, возможно, не скоро, возможно в будущем году. Я приведу свои мысли и чувства в порядок и приеду в этот городок, найду его, и мы поедем на тот мост, и выпьем виски за нас. За наше будущее...

Синий заяц

Звуки были нелепо красивые... завораживающие своей простой и какой-то немислимой красотой. Звуки сплетались с воплями, хныками, создавая картину этого мира, детского мира, напоминая мне МОЙ детский мир. Мира, которого уже никогда не будет.

Кто-то из обычного детского игрушечного ксилофона извлекал песню....Песенку, которую пела мне в детстве мама... Давно уже.... И больше не споеет... Отрывки слов, словно конфетти... Нет смысла, нет рифмы – одни воспоминания...

«СПИТ....НОЧЬ... малыш...».

Минуя стеллажи с робокопами, куклами с тупым выражением на одинаковых лицах, я вдруг за очередным поворотом чуть не уткнулась в него.

Он стоял ко мне спиной... Ссутулившись, в длинном черном пальто. В не по сезону лакированных штиблетах и брючках с разрезом вдоль стрелки. Именно от этого милого в принципе разреза я впала в ступор: я такого еще не видела. Низ явно дорогих брюк промок, под его ботинками потемнело покрытие пола, из голубого став темно-синим.

Я стояла и смотрела на это темное пятно, и слушала как

он играл: самозабвенно, с упоением... Музыка оборвалась резко и стало оглушительно тихо... в ушах зазвенело...

Он обернулся, и я увидела его глаза.... Огромные карие глаза полные такой тоски...

Нет. Это была не тоска. Это было... Как сказать-то? Представьте себе, что в жаркий полдень вы покупаете мороженное, разворачиваете обертку, предвкушая райское наслаждение. Вы полны этим ожиданием. Вы почти счастливы... Вы откусываете кусочек шоколада. И вонзаете зубы в плотный удивительно холодный очаровательно ароматный пломбир... И тут ваш кариес напоминает о себе резкой болью.... Вот это миг: ожидание рая с полным недоумением от внезапной боли с примесью вселенской обиды на несовершенство мира...

Два больших вопросительных знака «За что?» И именно ЭТО было в его глазах... Рай и ад одновременно...

Несколько секунд... словно вечность. И вдруг: осознание, понимание и желание догнать. Обнять. Защитить. Но он уже уходил, медленно, оставляя мокрые следы. Шаркающей походкой старика. А я, молча, кричала ему вслед «Подожди, не уходи... я тоже...». Продолжая стоять у полки с музыкальными инструментами с этой болью «Я тоже...». Очнувшись, я взяла тот самый ксилофон. Ударила несколько раз по клавишам... Так, пустые звуки... Детский сад какой-то.

Но я купила его. Сама не знаю, зачем и почему. Но смутно, краешком сознания я понимала: что-то в нем есть. Что-то волшебное, и он изменит мою жизнь. Или ОН изменит мою жизнь...

Вначале я ждала чуда. Ксилофон стоял на моем письменном столе как напоминание. Как символ чуда. И я регулярно забегала в магазин детских игрушек. Так просто. То дочке подруги что-нибудь подыскать, то сотруднице.... Но на самом деле я хотела снова увидеть ЕГО. И исправить то, что не сделала в тот раз. Хотя, скорее всего, я снова молча простояла бы рядом, а потом снова бичевала бы себя за нерешительность... Я всегда живу с частицей «бы..» рука об руку. В ожидании рая и с четким знанием: рая не бывает. С желание исправить то, что уже никогда не исправишь.

И чудеса тоже не происходят. С другими – бывают. Но не со мной. И в этот раз все повторилось. Подтверждая мое знание о вероятности чудес в моей жизни как равное абсолютному нулю.

Но я все же ждала почти 3 месяца. Подруга говорит: в России все случается через цифру 7. То есть: через 7 дней, 7 месяцев, 7 лет... И ждать мне чуда 7 лет? А может 77? Семь недель размышлений и ксилофон за ненужностью был жестоко удален в дальние края – на антресоль. Выбросить ру-

ка не поднялась, подарить – жалко стало. Пусть стоит, кушать же не просит.

А потом наступила жара... С купанием в фонтанах, газировкой и мороженым. И я забыла о нем. И о ксилофоне тоже. Но даже летом бывают неудачи. Или наоборот: удачи? Случилось страшное – я испытала то самое чувство «рай+ад», откусив от слишком уж замороженного мороженого. Нелепо да? Замороженное мороженное. Но именно так, и никак иначе. Лето затмилось мыслью о стоматологе. Лишь мыслью. Мысль привела в действие глупые детские страхи. А за страхами последовали странные желания.

...Ксилофон лежал одиноко и почти пыльно. Мучаясь от зубной боли, я нажала на клавишу. Другую... А дальше руки сами извлекали мелодию: словно сосульки мартовским днем звенят... Динь-динь-динь. Словно синичка, почував тепло, поет: пинь-пинь-пинь... Я играла. Боль уходила тихо по-английски... Словно ей стало стыдно за свое поведение, за свое коварство...

Ад закончился...

А потом закончилось лето... Духота, пыль – закончились... Но и сарафаны, топики, шлепки тоже закончились. И наступило то самое время года, которое одни поэту воспе-

вали, другие впадали от него в черную меланхолию. Я скорее отношусь ко второй категории. Нет, я не поэт... Но осень ненавижу. Сырость, мрякость и унылость... Горе, печаль. Потери... Не хочу вспоминать, не хочу думать об этом. А до весны еще так далеко, нужно зиму пережить, потом снова эту мокрость ранней весной... Слишком долго, слишком серо, слишком грустно... Пережить, переболеть – и так год за годом. Осень за осенью.

И в этом сером настроении я брела по улицам, загребая листья ногами. Мама с детства ругала меня за это: испачканная обувь, мокрые джинсы... Как давно это было? Никто уже не отругает. Никто не пожалеет... Ну и пусть будут мокрые ноги. Пусть я заболею и умру...

На скамейке одиноко лежал, кем-то брошенный, покрытый капельками вчерашнего, толи дождя, толи плача облаков, венок из кленовых листьев. Он так подходил к моему настрою: такому же слезливому. И я возложила его на свою непутевую голову. Мокрый, но печально красивый. И мы побрели уже вместе – я и венок, трогательные в своем одиноком плавании по мокрым улицам. Но гордые и с королевской посадкой головы. Моей. Так как с венка стекали слезинки по моим щекам. Холодные...

Или это уже мои собственные?

Не зря говорят: пути Господни... И вот я снова в том самом детском мире, стою у стеллажа с мягкими игрушками. Пушистый синий заяц смотрит на меня выпученными пуговицами черных глаз. И почему он синий? Может, ему печально, как и мне? На ощупь: нежный шелковистый и пахнет сладким, детским, словно его тискал малыш в желании унести подальше отсюда, оставив на синей шкурке запах своих ладошек, испачканных шоколадом.

Нажимаю на кнопку – тихая песенка... Нежная колыбельная: «Спи и ты малыш...» С моих ботинок натекла лужица, а я стою и уже в который раз слушаю «Ложкой снег мешая, ночь идет большая...», прижимая зайца к груди, забыв обо всем на свете: «Что же ты, глупышка, не спишь?...» И Слезы, теплые и соленые по моим щекам... Или это венок оттаял в тепле этого мира?

...Я обернулась и споткнулась об эти глаза: «два больших вопроса: Почему?»

Я растерялась... Вопросы ко мне? Или вопросы о своем? Он стоял и смотрел. На меня и венок, и на синего зайца.

Потом подошел – «И Ты?»

«Это не я» – хотела сказать я...

«Это он – глазами показываю на зайца.– Это ему плохо».

И в сторону: «И мне тоже...»

Он не слышит.

В глазах вселенская печаль. Осознание. Принятие, желание защитить.

Он – отражение меня. Он – моя тоска. Он – моя любовь. Мое ожидание.

Мы идем рядом... Рука в руке. Слеза к слезе.

Ад отступил... Ожидание Рая...

И слова маминой песни от синего зайца:

«Ложкой снег мешая,

Ночь идет большая,

Что же ты, глупышка, не спишь?

Спят твои соседи,

Белые медведи,

Спи и ты скорей, малыш.

Мы плывем на льдине

Как на бригантине,

По седым суровым морям.

И всю ночь соседи —

Звездные медведи

Светят дальним кораблям»

2010

Ущербная Луна...

Луна... Такая сонная и пушистая, каким бывает мой кот Укус, придя после очередной прогулки. Луна лениво двигалась по темному небу. Настолько лениво, что ее движения были совсем незаметны. Она изредка пропадала в темноте не проснувшегося утра за мрачными тучами, которые брели по небу, не решив еще чем им заняться: толи собраться в одну большую тучу и просыпаться на землю последним мокрым снегом, толи омыть землю первым дождиком.

«Полнолуние» – подумала я. Мысли подобно Луне были сонными. Но совсем не пушистыми.

Если внимательно приглядеться, луна была не совсем круглой, или как называют такое состояние: ущербной. Если приложить палец со стороны ущербности, можно понять ее состояние – новая или старая. Если получается буква «С» – луна старая. Если «Р», -значит, растет. Значит, скоро полнолуние.

Луна оказалась старой. Жаль... Я загадала: если луна – новая, значит жизнь продолжается. Если старая, то пора собираться и уходить...

На кровати, на смятой простыне темно-синего цвета спит мужчина. Еще вчера он был моим кумиром, воплощением мечты, принцем из волшебной сказки. Еще вчера. А сейчас... Не важно. Сейчас я смотрю на луну. Смотрю на лу-

ну и отмечаю малейшие передвижения среди темных провалов облаков. Еще ночь. Еще темно и все люди спят в своих теплых постельках. Спят, как и мой мужчина: сладко и нежно. А мне не спиться. Сон улетел, и вместе с ним улетело ощущения блаженства, расслабленности и покоя. Остались только непушистые мысли. Воспоминания подобно тонкой и острой игле, воткнулись в мозг и не давали уснуть. Словно кто-то решил заставить меня срочно принять решение, именно сегодня. Именно сейчас, пока луна не перевалилась спать на другую сторону земли. В Америку. Или в Австралию. Нет, она движется на запад, а на западе – Америка.

Пытаясь избавиться от иглы, вспоминаю, когда я впервые оказалась в этой квартире, с этим спящим, по-детски подогнув под себя ноги, мужчиной. Я разглядываю его тело. Красивое, мускулистое, загорелое тело. Еще вчера я сходила с ума от его прикосновений, от одного взгляда в его глаза... А сейчас я просто разглядываю его, пытаюсь поймать остатки возбуждения. Не возбуждает. Во сне он похож на ребенка. А я не хочу ребенка... Боль в голове утихает. Я больше не хочу этого мужчину. Я хочу уйти.

До открытия метро еще целых два часа. Не одеваясь, я иду на кухню, стараясь не шуметь, зажигаю газ и ставлю на синий холодный огонь чайник. Жду, когда закипит вода. Разве на холодном огне может согреться вода? Смотреть на чайник бессмысленно. Он все равно не закипит быстрее.

Смотрю на луну. В этом окне она другая. Более загадоч-

ная и почти круглая. Наверное, ее округлость зависит от угла зрения. Сейчас я не осмелюсь назвать ее ущербной. Мы смотрим друг на друга. Я, еще вчера счастливая, и луна, еще вчера абсолютно круглая. Нас объединяет это «вчера». И у меня, и у луны уже нет будущего. Мы катимся вперед, но наши дни становятся все тоньше и тоньше, пока не наступит новолуние. Сколько дней это будет продолжаться? Неделя, две? Не помню. И не важно. Наступит момент, я посмотрю в окно и увижу тонкий серпик и пойму, что мы с луной начинаем новый цикл жизнь. Что мы растем. Но не сейчас. Сейчас мы смотрим друг на друга...

– Что такая печальная? – спрашивает иронично.

– Не знаю. Пока сама не понимаю. Просто мне грустно и одиноко. А тебе? Как тебе там на небе? Ты тоже печальная...

– Да нет, мне хорошо.

– Не спорь, посмотри на свое отражение: в твоих глазах мировая скорбь. Ты свидетель разрывов, ссор, размолвок. Иногда ты видишь смерть. Люди ведь чаще всего умирают ночью. Правда? А ты видела влюбленных и счастливых?

– Видела. Не мало. Но влюбленные обычно смотрят друг на друга. Им не до меня. Они обращают на меня внимание только тогда, когда им надоедает быть вместе.

– Тебе обидно? Потому что с тобой общаются только когда хочется повыть?

– Да не особо. Пусть воют. И ты повой... Легче станет.

– Не хочу. Или не могу. Сама еще не знаю. Вот проснулась и не могу понять, что же случилось. Может, сон дурной приснился?

– Что тебе приснилось?

– Не помню... Вдруг открыла глаза и поняла: что-то случилось. Со мной. С моими чувствами. Словно все чувства отрезали ножом. Понимаешь? Вчера еще я любила. Того мужчину, который сейчас спит там, в соседней комнате.

– Любила? Вчера? – на круглом диске луны появилось выражения недоумения, – а сейчас что уже не любишь?

– Не знаю. Смотрю на него, и не могу понять, что же произошло. Он вдруг стал чужим, и я понимаю только одно: вижу его последний раз. Знаешь, вдруг возникает такое странное ощущение: смотришь на человека, говоришь с ним и понимаешь, что это в последний раз. Больше ты его не увидишь. И становится так грустно и печально... Хочется все вернуть: дрожь в коленках от ожидания, телефонные разговоры по два часа, глаза, полные любви и обожания, слова любви. Ах, эти слова... А поцелуи. При луне... Ты же видела? Поцелуи, от которых кружится голова, от которых ты сходишь с ума...

– Все когда-то сходят с ума. Потом ум возвращается на место. Рано или поздно. Вот и твое время пришло...

Луна скрылась за набежавшим облаком. Смотрю, жду, когда она появится снова. В доме напротив зажигаются окна. Желтыми прямоугольниками. Люди просыпаются, ста-

вят свои чайники на газ, выполняют свои утренние ритуалы. У них своя жизнь. Они безразличны к чужим окнам. Они безразличны к другим мирам. Они давно не смотрят на небо и забыли, что там живут звезды, что там бродят медведи. Они хотят спать и не хотят идти на работу. Что им мое ночное окно? А мне нужно с кем-то поговорить, поделиться своими чувствами. Иначе я просто сяду и разревусь от разрывающего чувства печали. А реветь мне сейчас совсем не надо. Реветь я буду потом. Одна. Сейчас мне надо собрать всю свою волю в кулак, одеться и уйти. А я сижу, жду луну, жду, когда закипит эта проклятая вода. Что-то она все не кипит и не кипит. Как будто специально. Газ что ли закончился?

Чайник неожиданно засвистел. Следила же, чтоб не пропустить, и все рано он опередил меня. Быстро погасив газ, прислушиваюсь: тихо. Он спит крепко, видит сладкие сны... Достая чайный пакетик, наливаю кипяток. Пью обжигающий чай из стеклянного граненого стакана. И откуда он взялся в его квартире? Раньше я его не видела. Странно: еще вчера это была наша квартира. А сегодня уже его. Одна ночь, только одна ночь... Чай в стакане становится мутным и кажется уже не таким горячим в сумрачном свете не наступившего утра. Мягкое прикосновение света к моей щеке.

– Ты вернулась? Я ждала. Вот чай пью. Он почти остыл. Эти облака...

– Да, эти облака. Набежали с востока. Мешают смотреть на тебя.

– Ну и как я тебе? – иронично спрашиваю. Я же видела свое отражение в темном стекле, и в восторг оно меня не привело.

– Нормально. Поспать бы тебе...

– Потом посплю. Дома.

Луна снова скрывается в провал неба. Только что была, а стоила отвести взгляд, и уже нет ее. Ладно, что ей до какой-то одинокой девушки со странными мыслями в голове. Сама не разобралась, так ей и подавно не понять. А что, собственно, произошло? Ну, прошла любовь. Так ведь это нормально. Она всегда уходит. Только в сказках принц и принцесса живут долго и счастливо. А в жизни все не так. В жизни нет места сказке...

Ну, исчезла любовь как призрак, рассеялась, словно туман от первых лучей солнца, ушла, словно вода в песок. Только вот лучей солнца не было. Да и не призраком она ворвалась в мою жизнь.

Он влетел внезапно, стремительно. Ворвался в мою жизнь словно смерч, сметая все на своем пути: мои желания, мои сомнения, моих друзей, мои вечерние сериалы. Посадил меня на американские горки, и мы помчались...

Вверх. Вниз. Вверх.

Мертвая петля, крутой поворот...

Радость и смех. Удивление и неземное наслаждение. Жизнь полная удовольствий. Море новых и веселых друзей. Или приятелей? Или просто случайных знакомых? Ах, это

не важно. Главное – весело...

Вверх. Вниз. Вверх. Вниз...

Слезы и боль. Ожидание звонка. Послания о любви. Ревность. Злость.

Вверх. Вниз. Вверх...

Париж. Ночи, полные любви и страсти. Поцелуи. Ах, эти поцелуи...

Вверх. Вниз...

Страх. Страх потерять его...

Вверх. Вниз...

Страх одиночества...

Любовь штука опасная. Ты заполняешь все свое жизненное пространство одним человеком. Только с ним ты счастлива. Только с ним...

А когда его нет...

Когда он уезжает...

Ты лежишь на диване, смотришь все подряд по телевизору и ничего не смотришь...

Читаешь, все, что попадет под руку, и не читаешь...

Ты с ним. Только с ним. И когда ты ешь, ты думаешь, что бы ему предложить, а когда ты принимаешь ванну, ты мечтаешь, чтобы он сидел рядом и говорил, говорил, говорил...

Увидишь в магазине интересную штучку, и думаешь: а понравится ли ему... Вся жизнь – ему. Все мысли – ему. И без

него нет смысла в этой жизни. И ты хочешь умереть вместе с ним. Как в сказке: в один и тот же день. Потому что без него — не жизнь.

Но вдруг приходит момент, и ты уже можешь дышать без него. Ты вдыхаешь полной грудью чистый и прозрачный воздух и не задыхаешься. Ты наслаждаешься новой книгой, которую читаешь одна, и не замечаешь, что он сегодня задержался. Ты вспоминаешь, что не звонила своей школьной подруге так давно, что и не вспомнить когда. Ты звонишь ей, и вы разговариваете не о нем. Приходит день, и ты даже можешь думать не о нем. О другом. О других. И неизбежно возникает вопрос: куда ушла любовь? Не важно, почему. Важно: куда?

...Мой Бог спит словно ребенок. Мой бог, мой кумир, мое счастье — вчера. Что произошло вчера? Что убило мою любовь? И как я скажу ему, что я больше его не люблю? И скажу ли... И надо ли...

Снова лунные блики заиграли на уже остывшем стакане. Поднимаю его и смотрю на луну сквозь коричневую жидкость по названию чай. Луна так выглядит еще печальней... Нет, лучше смотреть на нее через оконное стекло. Если бы было тепло, я открыла бы окно и смотрела на нее только через воздух. А так нас разделяет стекло. Дышу на него. Протираю кружок для луны и прижимаюсь лбом к холодному стеклу. Хорошо. Лбу хорошо. А мне все так же плохо...

– Слушай, луна. Ты все знаешь, ответь мне на вопрос: куда ушла любовь? Только не посылай меня к ветру. Это только у Пушкина ветер все знает. Я в сказки не верю...

– Любовь всегда уходит. Она не вечна.

– А что остается? Пустота? Если ушла любовь – в сердце дыра. Чем заполнить?

– Почему пустота? Любовь уходит не вдруг, не в один момент. Она уходит понемногу, по капельке, каждый день. И пустоту заполняет что-то другое. Мир большой, он не терпит пустоты. Он заполняет ее сразу же... Другим, другими...

– Да все это только слова. Если ушла любовь, ничего уже не нужно. Человек уже не нужен. Больно. Пусто. Ничего не хочу. Я чувствую вот здесь – пусто, и от этого больно... Ты не понимаешь...

Я больше не хочу говорить с луной. Поворачиваюсь к окну спиной и пью совсем невкусный и холодный чай. Сколько времени прошло? Час?

Что я тяну? Ах, да: жду, когда метро откроется. И пойду. Домой. Или от него. Скорее всего: я уйду. И от этого мне и печально. Уходить всегда сложно. Но оставаться еще сложнее.

Я тихо вошла в комнату, где спит мой вчерашний бог. Он спит, посапывая во сне. Красивый, черт возьми. Сажусь в кресло и наблюдаю за ним... Вот вздрогнули ресницы, словно он просыпается. Нет, это только сон. Что-то пробормотав, он переворачивается на другой бок, представив мое-

му взору красивую мускулистую спину. Родинка под правой лопаткой. Я любила ее целовать. Маленький шрам чуть ниже поясницы, он так и не сказал, что это за шрам. Когда я делала ему массаж, я всегда пальцем проводила по всей длине шрама, приговаривая «У собачки боли, у кошечки боли, а у моего милого не боли...» Пальцы дрогнули, словно захотели пробежаться по шраму. Пальцы... не я...

Итак, что же было вчера? Вчера мы отмечали женский день. Все как обычно: мимозы, вино, кино... Нет, вчера все было прекрасно.

Фильм выбрали вместе. Он любит боевики, я предпочитаю фантастику. Такие яркие динамичные фильмы со спецэффектами. Смотреть их дома не интересно, а вот в кинотеатре.... Поэтому пошли смотреть мелодраму. Фильм нам понравился. Значит, фильм – не причина исчезнувшей любви. А может, что-то произошло раньше? Неделию назад? Месяц назад?

Месяц назад мы были у моей подруги Машки. Он, как всегда, встретил меня с цветами. А тут позвонила Машка и пригласила в гости. Просто так. Без повода. Мы немножко повздорили, так как цветочные магазины уже закрылись, а покупать большой «веник» он не хотел. Предлагал подарить Машке мои мимозы, а я отказалась. Они же мне были подарены. Почему я должна их отдать? Даже Машке? В итоге он купил большой букет, собранный якобы флористом. Такой большой дизайнерский веник из роз и травы в целло-

фановой обертке. И мы отправились к подруге. Молча. Он дулся на мое упрямство, я обиженно молчала. Может, в этот момент любовь треснула? Или позже, уже у Машки?

Что было у Машки? Чай. Заварной, зеленый. Торт, испеченный на скорую руку. Нет, то была шарлотка. «Как же я люблю шарлотку» – сказал мой Бог, уплетаю третий кусок. Машка покраснела. Я не обратила внимания. Но я ни разу не пекла эту шарлотку. Просто, я ее не люблю. А Машке я доверяю. Или доверяла. Она же со мной с института вместе. Жили вместе в общежитии. Голодали. Обсуждали женихов. Когда в моей жизни появился он, я первым делом поделилась с Машкой. А потом я все реже и реже забегала к ней поболтать, и все реже звонила ей. В моей жизни не осталось времени на Машку. Он заполнил все мое время, все мои мысли, всю мою жизнь. Когда я последний раз была у Машки? Бог мой: полгода назад! Значит, полгода мы не виделись, а тут она звонит и просто так без повода приглашает в гости, печет эту шарлотку, да еще выясняется, что мой любимый без ума от ее шарлотки! Он что, уже ел ее? Ах, Машка, Машка... Как она могла? Но с другой стороны: ведь любовь ушла моя, а не его. А может, это его любовь ушла. Давно уже ушла, а я и не заметила. А что я замечала? Да ничего...

Когда он не звонил мне, я умирала от тоски, я набирала его номер по несколько раз. Этот холодный голос: «Абонент отключен или находится вне зоны действия сети». Словно холодный душ. Словно в прорубь в крещенские морозы. Но я

набирала и набирала его номер, я боялась, что с ним что-то случилось: он попал в аварию, на него напали бандиты, у него сердце остановилось... Да мало ли что может случиться с красивым мужчиной в большом городе. Но я никогда не думала, что он просто мог отключить телефон... А ведь мог... Легко... Он никогда не давал мне повода думать, что у него другая женщина. Да и не было у него другой. Или все же была?

Сердце сжала тонкая рука ревности. Вот он лежит передо мной обнаженный и беззащитный. А сколько раз он так лежал с другой? Или с другими? Он так красив. У него должно быть много женщин... Но он же выбрал меня! Вот уже более года он только со мной. Со мной ли? Как узнать? А Машка с ее шарлоткой? Почему она тогда покраснела? Разбудить и спросить? А если скажет, что он был с нею, что тогда? Что тогда я должна делать? Плакать? Ударить в его такие когда-то любимые синие глаза? Повернуться и гордо уйти? ... Зачем спрашивать, когда не уверен в ответе. Когда не уверен в своей реакции... И зачем спрашивать, когда любовь ушла. Моя любовь ушла. Ее уже не вернешь. Мелочи, такие маленькие и незаметные, словно капельки росы. Когда идешь по утренней траве, ты не замечаешь росу. Просто твои джинсы становятся мокрым. И все. И в любви так же. Ты идешь по жизни, и маленькие капельки раздражения, непонимания, неуверенности делают твою любовь все меньше и меньше. И в один момент ты просыпаешься и с удивлени-

ем замечаешь, что любовь уже совсем маленькая. Или ее уже нет. Совсем. Как сейчас у меня. И неважно, когда она ушла, и неважно, почему. Важно только одно: мне придется привыкать жить без нее. С пустотой в сердце и тоской в душе. И если когда-нибудь в это пустое сердце вновь войдет сильное и яркое чувство... Как там говорить: надежда умирает последней?

Я встаю и выхожу из спальни, бросив последний взгляд на объект моей когда-то безумной любви.

На часах всего полшестого. Снова ставлю чайник на огонь. Луна вопросительно заглядывает в кухню. Не хочу отвечать. Но она настойчива. Преследует меня маленькими бликами на граненном стакане. Красиво. Стакан красив. Чай отвратителен. Зачем тогда я грею чайник? Если не хочу пить чай? Зашла на кухню и машинально поставила чайник на газ. Как много вещей, как много поступков мы делаем автоматически. Автоматически любим друг друга, автоматически целуемся, по ходу дела ревнуем, походя обижаем. А вечером – в кровать и занимаемся любовью. Или уже не любовью? Тогда что же мы делаем? И не удивительно, что мы не замечаем, как уходит любовь...

Игла боли понемногу отпускает меня. Освободившееся место по капельки заполняет равнодушная пустота. Такая объемная и холодная пустота. И почти пушистая. Как луна. Вспоминаю о ней. Луна все также созерцает мир. Отстраненно и равнодушно. Без сочувствия и сопереживания. Мудро.

Но я хочу не мудрости. Хочу... А чего, собственно, я хочу?

– Вот: допью чай. Хотя я совсем не хочу его допивать. Но надо как-то убить время. Любовь я уже убила, осталось каких-то полчаса. Их убить легко. А потом метро откроется, и я пойду. Ты меня проводишь? – в моем голосе появились просительные нотки. Все же у меня еще остались кой-какие желания, и одно из них – не идти одной по темным скользким улицам.

– Провожу. Только ты поторапливайся, тучи бегут быстро, скоро ты меня не увидишь.

Я смотрю на запад: там темно. На востоке уже солнышко пробивается, розовеет небо. А на западе чернота и пустота. Такая же, как в моем сердце. Дождь, что ли собирается? Или последний снег? Слезы неба... Небо тоже умеет плакать. Только о чем его слезы? Об уходящем времени? О прошедшей зиме? Или это слезы сочувствия?

– Ладно, успею...

Выйдя на цыпочках из кухни, беру свою куртку. Медленно открываю дверь, выхожу и так же тихо закрываю, чтобы не хлопнуть. Щелк. Дверь захлопнулась. Все. Обратно дороги нет, ключи лежат на столе рядом с недопитым чаем в старом стакане, который помог мне убить последние часы в этом доме. На лифте не спускаюсь. Бреду по пропахшей чужими проблемами пожарной лестнице на два этажа ниже, и только там нажимаю на кнопку вызова лифта. Мне все время кажется, что Он сейчас проснется и бросится за мной.

А я еще не решила, хочу ли этого. Одна часть меня, та, которая заставляет меня идти тихо и не шуметь, надеется на то, что он сейчас проснется и бросится за мной. Что он возьмет меня на руки и отнесет в тихую и уютную кровать. Нашу кровать. И мы будем снова любить друг друга. Не машинально, не по привычке. Любить... И все будет хорошо. Но другая «Я» говорит мне: «Уходя – уходи. Разбитую чашку уже не склеить. Одна ночь, даже полная страсти не заменит тебе целой жизни любви...».

До метро мы идем вместе с Луной. Она освещает мне путь подобно дорожным знакам, вспыхивающим в темноте при свете фар. А уличные фонари, как всегда, не горят. Мама в детстве говорила мне: «Наверное, фонарщик еще не проснулся». Не проснулся... В лужицах подтаявшего снега я вижу отражения маленьких лун, словно она, не желая превращаться в месяц, раскололась и разлетелась на сотню кусочков, и каждый зажил своей личной жизнью. Маленькие лунята резвятся, обгоняют меня и друг друга, мерцают и дарят мне последние капельки света и немного надежды. Старательно обхожу холодные белые блики. «Спасибо» – говорю каждый раз, когда мне удастся не наступить в черный провал воды на покрытом снегом асфальте.

– А как тебе каждый раз исчезать и снова появляться? Ты помнишь что-нибудь из своей прошлой жизни? Ну, когда ты была старой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.